

О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (Экспертное заключение Сибирского отделения РАН)

Распространение для широкого обсуждения правительственного проекта концепции перехода страны на путь устойчивого развития бесспорно является заметным событием в жизни общества. Необходимость такого перехода, учитывая всю совокупность глобальных проблем общечивилизационного характера, сомнений не вызывает. Задача каждой страны, в том числе и России, состоит в разработке национальной (государственной) стратегии перехода на рельсы устойчивого развития (см. Повестку дня на XXI век, глава 37), т.е. такой стратегии, которая наиболее полно соответствовала бы экономическому, социальному, экологическому и духовному потенциалу страны. Логично поэтому ожидать, что представленный российским правительством проект будет рассматриваться как с точки зрения общечивилизационных тенденций, так и с позиций национальных возможностей, традиций и интересов.

В преамбуле к разделу III Повестки дня на XXI век справедливо отмечено, что для достижения целей разрабатываемых странами национальных стратегий устойчивого развития решающим условием будет осознанное участие в реализации стратегии всех социальных групп общества с принятием ими на себя определенных обязательств. Это требует в свою очередь привязки стратегии к тому, что обычно называют "национальной идеей", объединяющей общество. Пример послевоенного развития Японии ярко иллюстрирует значение использования национального духа и традиций для достижения поставленных целей. Об этом же свидетельствует собственный опыт России - превращение ее в течение 50-60 лет из отсталой страны в одну из двух супердержав.

В связи с этим заметим, что одним из серьезных недостатков вынесенного на обсуждение проекта концепции перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития является недостаточное освещение геополитических, территориальных, ресурсных, исторических и духовных особенностей предшествующего развития общности народов, населяющих Россию, - особенностей, которые могут и должны быть использованы для формирования "национальной идеи" (в широком понимании этого термина), сплачивающей общество ради достижения целей национальной стратегии. Можно смело утверждать, что ни одна другая страна мира не располагает такой широкой совокупностью факторов, содействующих реализации общечивилизационной концепции устойчивого развития, какой располагает Россия. Частично эти факторы упомянуты и в рассматриваемом проекте. Например:

"Проблема устойчивого развития ... оказывается чрезвычайно созвучной традициям, духу и менталитету России" (стр. 1, абзац 3).

"Созвучие идей устойчивого развития традициям и духу россиян создает благоприятные условия для их воплощения в России. Эти идеи могут стать консолидирующим началом поиска согласия в обществе в деле возрождения страны, снятия мнимых (???) противоречий между социальными слоями и группами, стать той осязаемой и понятной всему населению перспективой, на достижение которой направлены нынешние преобразования" (???) (стр. 1, абзац 4).

Цитируемые соображения в целом справедливы, но должны быть обоснованы не только ссылками на труды Вернадского и мысли Циолковского

при всем уважении к их значимости как одной из основ новой парадигмы развития человечества.

Нельзя, однако, согласиться с концом последней цитируемой фразы. На что направлены нынешние преобразования в России, похоже, не ясно не только населению страны, но и Правительству. Если же Правительству цели ясны, то оно по какой-то причине не спешит их обнародовать.

На вопрос о том, что же мы хотим построить в результате реформ, какой тип общественного устройства хотим реализовать, не был дан ответ во времена М.С.Горбачева, не дан он и сегодня. Обычный ответ - "Социализм мы не строим, к коммунизму не идем!" И одновременно - "Мы не строим капитализм".

Что же мы все-таки строим, через какой общественно-экономический уклад Россия пойдет к устойчивому развитию?

Без приемлемого для общества ответа на этот вопрос снять не мнимые, а объективные, очень серьезные и быстро обостряющиеся противоречия между социальными слоями, консолидировать общество и двинуться по пути устойчивого развития не удастся.

Следует учесть, что через всю работу Конференции ООН по окружающей среде и развитию (июнь, 1992 года, Рио-де-Жанейро), на которой была одобрена общечивилизационная концепция устойчивого развития и приняты Повестка дня на XXI век и другие важные документы, лейтмотивом прошло заключение, сформулированное Генеральным секретарем Конференции Морисом Стронгом в его заявлении на церемонии открытия Конференции:

"Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, которые в одинаковой мере угрожают и богатым, и бедным. Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути может привести нашу цивилизацию к краху".

Именно по этой причине на Конференции ООН была признана необходимой кардинальная смена парадигмы развития.

Концепция устойчивого развития цивилизации по своему духу и содержанию социалистична и основывается на нахождении оптимального баланса в решении экономических, экологических и социальных проблем, на разумной сбалансированности общественных и личных интересов, на превалировании духовного начала над потребительским. Необходимым условием ее реализации является усиление государственного и общественного регулирования, а также совершенствование механизмов межгосударственного регулирования. Общеизвестно, что сам по себе рынок, несмотря на всю важность рыночных механизмов, не может выполнять роль движущей силы на пути к устойчивому развитию.

В рассматриваемом проекте концепции перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития провозглашена необходимость "поиска принципиально новых решений для формирования основ социально-экономического развития на принципах устойчивости" (стр. 1, абзац 2), но далее в тексте, кроме общих фраз, по этому поводу ничего нет.

Положительной чертой проекта концепции является то, что в нем в известной мере преодолены делавшиеся в нашей стране попытки представить общечивилизационную концепцию устойчивого развития, как ориентированную в основном на решение экологических проблем. О таком преодолении сужения ориентиров концепции свидетельствуют следующие положения:

"В основу концепции устойчивого развития положена

идея динамично-сбалансированного развития триады - экономика, природа, общество" (стр. 4, абзац 1).

"Общее требование к модели устойчивого развития - обеспечение гармоничного сочетания социально-экономических и экологических приоритетов развития общества в настоящем, среднесрочной и долгосрочной перспективе. При этом существенным является то, что несмотря на экологическую ориентацию, проблема устойчивого развития остается в целом больше социальной и экономической. В соответствии с моделью устойчивого развития такие цели как достижение устойчивого экономического роста, сохранение природных комплексов, устранение социальной несправедливости являются для общества во многом взаимодополняющими, хотя приоритеты каждой из них в разные периоды могут меняться" (стр. 7, абзац 1).

Для России "в ближайшей перспективе основной целью осуществления перехода к модели устойчивого развития должно стать завершение (???) социально-экономической перестройки общества" (стр. 7, абзац 4).

О каком завершении и какой перестройке идет речь, авторы проекта, как было отмечено выше, нигде ясно не сформулировали. Отсутствие ясности в вопросе о направленности социально-экономической перестройки, несмотря на справедливые утверждения о неразрывности экономических, социальных и экологических проблем, неизбежно привело к "перекосу" проекта в сторону экологических вопросов. Им посвящены две трети текста проекта.

Этим же, очевидно, объясняется и то обстоятельство, что в отличие от экологических социально-экономические аспекты перехода России на модель устойчивого развития освещены слишком обтекаемо, по принципу "сказать так, чтобы ничего не сказать".

Примером может служить рассмотрение возможных концептуальных схем устойчивого развития (стр. 3, абзац 1-4). Понять первые две схемы "сходу" вряд ли возможно. Но поскольку они как бы отвергаются авторами проекта, то рассмотрим сразу третью схему, которая "и является той, которую выбирает Россия при построении модели устойчивого развития" (стр. 3, абзац 5). Вот как изложена ее суть:

"если в качестве концептуальной схемы будет выступать проблема формирования ноосферы, то при сохранении указанных ограничений (имеется в виду сохранение возможности удовлетворения потребности будущих поколений) дополнительно должны действовать требования увеличения таких социальных элементов национального богатства, как квалификация работающих и духовные ценности" (стр. 3, абзац 4).

Вряд ли стоило городить огород, чтобы заключить, что образование и духовность являются необходимыми элементами будущего развития.

Далее по тексту оказывается, что три предлагаемые возможные концептуальные схемы (основополагающие идеи) являются всего лишь последовательными этапами (экологизация хозяйственной деятельности, сохранение биосферы, формирование ноосферы) перехода России на модель устойчивого развития. При этом подчеркивается, что:

"такая последовательность перехода России на модель устойчивого развития определяется современной социально-экономической и экологической ситуацией (стр. 3, аб-

зац 10; см. также стр. 10, абзац 8 и стр. 11).

Когда Минэкономики России, как основной разработчик проекта, полагает, что в нынешнем положении страны на первом месте должна стоять проблема экологизации хозяйственной деятельности, можно лишь руками развести. Отнюдь не умаляя значения экологизации всего и вся, хотелось бы заметить, что серьезное снижение негативных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую среду возможно лишь в двух случаях - при должном подъеме экономического потенциала, когда появляется возможность выделения необходимых средств на экологизацию, или при полном развале экономики, что мы имеем в нашей стране. Примером "экологизации" второго типа может служить появление раков в Новосибирском водохранилище, которые, как известно, могут жить только в чистой воде. В данном случае существенное улучшение качества воды в водохранилище является следствием резкого сокращения токсичных стоков в Обь и ее притоки, поскольку промышленные предприятия останавливаются, а сельскохозяйственные - не имеют средств на приобретение минеральных удобрений и средств защиты растений.

Поэтому первым этапом реализации национальной стратегии должен быть, несомненно, вывод России из глубокого социально-экономического кризиса, и это должно найти соответствующее отражение в проекте концепции. Обещания, что предлагаемые "концептуальные положения" будут в дальнейшем трансформированы в "национальный план действий" (стр. 3, абзац 10), не могут быть приняты, поскольку концептуальные положения довольно обстоятельно изложены в общецивилизационной концепции устойчивого развития, а Указ Президента Российской Федерации № 236 от 04.02.94 предусматривал разработку государственной (национальной) стратегии. Подмена существа поставленной задачи выглядит как попытка обойти коренные вопросы социально-экономического развития России накануне и при вступлении в XXI век. Видимо, с этим связано и исчезновение слов "государственная стратегия" в названии документа.

Изложенное выше относится и к временным этапам перехода России на модель устойчивого развития (раздел 8, стр. 19 и 20).

Приведенные на странице 20 проекта рекомендации о необходимости ориентации действий, связанных с реализацией обсуждаемого перехода, на имеющиеся президентские и правительственные документы неоправданы. Скорее наоборот - такие документы должны ориентироваться на общецивилизационную концепцию устойчивого развития и национальные интересы, а после разработки, обсуждения и принятия национальной стратегии - на эту стратегию и выбранную модель.

В разделе П "Россия на пороге XXI века" состоянию экономики страны уделено всего четыре абзаца, бегло констатирующих кризисность ситуации без освещения масштабов кризиса и вскрытия его реальных причин. Ограничиться в преамбуле проекта сомнительным утверждением, что:

"длительное развитие страны в условиях централизованной системы хозяйствования и обострения структурных противоречий привели Россию к глубокому кризису",

- значит ничего не сказать. Не проанализировав итоги передела собственности, последствия чудовищной коррупции на всех уровнях, утраты государством регулирующей роли, подавления отечественного производителя и т.д., невозможно предложить и реальную стратегию вывода экономики России из кризиса.

Столь же поверхностно (всего полстраницы), без каких-либо цифр, охарактеризованы и социальные проблемы России. В частности, мимоходом упомянуто, что:

"на высоком уровне остается дифференциация доходов различных групп населения" (стр. 5, абзац 1).

В связи с этим следует заметить, что одной из важных причин принятия мировым сообществом общецивилизационной концепции устойчивого развития, как основы принципиально новой парадигмы развития человечества в XXI веке, является признание недопустимости резкой дифференциации доходов. Используемая развитыми странами модель развития осуждена, в частности и потому, что она ведет к резкому росту дифференциации населения мира по доходам. Соотношение доходов на душу 20% наиболее богатой части населения мира и 20% наиболее обездоленных составляло в 1950 году 30:1, а в 1990 году 50:1. В России в 1960 году это соотношение было равно примерно 6:1, а сейчас 30:1.

В связи с последним вновь возникает вопрос - куда же мы идем? При рассмотрении же совокупности всех социальных, экономических и экологических показателей неизбежен вывод - страна движется в направлении прямо противоположном тому пути, который мог бы привести к устойчивому развитию.

Видимо, желанием уйти от такого вывода и объясняется поверхностность изложения экономических и социальных проблем России на пороге XXI века.

Среди социальных проблем даже не упомянута катастрофическая демографическая ситуация в стране. Попытка же списать демографические беды только на загрязнение окружающей среды (стр. 6, абзац 2) некорректна.

Вызывает полное недоумение примитивный оптимизм одной из заключительных фраз раздела II:

"появление накоплений у населения, возрастающий интерес к России со стороны иностранных инвесторов, постоянное упорядочение законотворческой деятельности и наметившиеся иные положительные тенденции показывают, что при целенаправленных усилиях всего общества кризис можно остановить и на порог XXI века Россия вступит в состоянии подъема во всех сферах жизни общества" (стр. 6, последний абзац).

Оптимизм дело хорошее, но на таком уровне анализа нынешней ситуации и прогноза ее изменения, разработка концепции национальной стратегии основываться не может.

Оценивая проект в целом, на основании изложенных причин, следует заключить, что он нуждается в кардинальной переработке.

Приведенные выше соображения являются итогом обсуждения проекта концепции на заседании Президиума СО РАН, в котором приняли участие академики РАН А.С.Алексеев, А.П.Деревянко, Н.Л.Добрецов, Д.Г.Кнорре, В.А.Коптюг, И.Ю.Коропачинский, М.В.Курленя, Ю.Н.Молин, А.Н.Скринский, Ю.И.Шокин, Б.К.Шумный и члены-корреспонденты РАН С.Т.Васьков, Г.И.Грицко, В.В.Кулешов, К.К.Свиташев.

Председатель Сибирского
отделения РАН,
академик

Б. А. Коптюг

3 февраля 1995г.